

Беседа 33

Иисус перед толпой врагов, готовых взять Его

И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его

(Мф. 26, 47-50).

И тотчас, как Он еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и книжников и старейшин. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его

(Мк. 14, 43-45).

Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он

подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть

(Лк. 22, 47).

Итак Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его. И когда сказал им: это Я, они отступили назад и пали на землю. Опять спросил их: кого ищете? Они сказали: Иисуса Назорея. Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут, да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Яне погубил никого

(Ин. 18, 3-9).

Враги Иисуса давно уже готовятся к тому, как бы взять ненавистного им назорейского Учителя. Довольно времени было обдумать план дела во всех частях. Ни слова о том, что только оскорбленная гордость, оскорбленное тщеславие, черная зависть и другие дикие страсти были причиною тому, что синедрион, и во главе его первосвященник Каиафа, восстал против Господа Иисуса. Столь почтенные люди, столь книжные люди, столь опытные в управлении люди, каковы были члены синедриона, как вели первое свое покушение на Иисуса, как брали Его под стражу? О, как велик явился Спаситель наш и в сем случае и как до жалости низки от низких страстей своих члены синедриона!

И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных (Мф. 26, 47). Господь сказал: Встаньте, пойдем; вот, приблизился предающий Меня (Мк. 14, 42). И точно так оказалось: прозрение Его было верно, гораздо вернее, чем зрение синедриона. Предатель, хорошо знавший, где и когда бывает Учитель и Друг его (Ин. 18, 2), без сомнения, мог выдать Его, если уже это оказалось нужным, во всякое время, без всякого шума двум-трем человекам. Как же поступают враги Иисуса? Берут самые сильные меры, посылают с Иудою целые толпы вооруженных людей для того

Иисус перед толпой врагов, готовых взять Его

только, чтобы взять в беззащитном месте Того, Кто так был кроток, что не гасил курящегося льна (Мф. 12, 20). Иуде даны спира — отряд римских воинов в 500 человек (Ин. 18,3), отряды служителей синедриона, всех трех сословий его — священнического, ученого и старейшин народа (Мк. 14, 43); при спире был тысяченачальник — трибун, при служителях — старейшина (Ин. 18, 12); римская стража вооружена была мечами, слуги синедриона — палками.

Мало и того для чести синедриона — надобно было, чтобы явились тут же воеводы церковные — начальники храмовой стражи и даже первосвященники (Лк. 22, 52). Прибавьте еще, что днем не решились на бессчетное дело, решились ночью. И, несмотря на то что было полнолуние и, следовательно, светлая ночь, несли факелы и фонари, как будто надобно было ловить в подземельях (Ин. 18, 3). К чему всё это? Если для того, чтобы показать народу, что имеют дело с возмутителем покоя церковного и гражданского, то в глубокую ночь кто видел, что делали эти жалкие люди? Не ясно ли видны здесь страх малодушия, замешательство мыслей, нечестие, трепещущее за безопасность свою, тогда как никто за ними не гонится?

Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. В общем обыкновенное лобзание — знак дружбы и любви. Так было у всех и всегда. Иуда и синедрион думали, что Иисус Христос скроется, как не раз укрывался Он (Лк. 4,30; Ин. 8, 59), если не принять мер, чтобы неожиданно задержать Его, — бедные слепцы не верили в Божественное могущество Его. К тому же полагали, что ночью стража не узнает Иисуса в кругу учеников Его. И вот обыкновенный знак дружбы принят за условный знак, которым Иуда выдавал Учителя своего врагам. Господь не отвратил лица Своего от Иуды, принял поцелуй предателя. О! как возмутителен этот поцелуй! Какой праведник из людей не сказал бы горького слова, слушая привет Иуды? Какой святой человек мог спокойно принять поцелуй предателя? А Ты, Кротость Небесная, покойно и даже с участием скорбной любви говоришь предателю: «друг мой, зачем ты здесь? Лобзанием ли предаешь ты Сына Человеческого?» (Мф. 26, 50; Лк. 22,48). Как сильно говорит нам эта Кротость Небесная: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Вот как надобно переносить обиды, наносимые людьми, близкими к душе нашей, нашими друзьями, нашими родными, людьми, которым мы делали много добра! Называя несчастного ученика другом,

Господь дает ему видеть, что любовь Божественная еще готова принять его и теперь. Выражая удивление, а не негодование появлению Иуды между врагами и его предательскому поцелую, обнаруживает скорбь любви о несчастном ученике, скорбь о том, что так больно оскорбляет свою совесть Иуда, и дыханием любви желает смягчить и исцелить рану души его. Вот любовь, которая, не думая о своих опасностях, заботится о положении врага своего!

Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? (Ин. 18, 4). Иисус Христос знал, зачем пришли вооруженные толпы и к чему идет дело. И однако, сказав ответ предателю, Сам подходит к толпе и говорит: *кого ищете?* Чудное дело! Когда хотели провозгласить Его арест, Он скрылся. Теперь знает Он, что пришли за Его жизнью, и Он Сам выходит к врагам. Он хорошо знал, кто им нужен. Но вопросом Своим заставляя совесть их взглянуть на нечистоту их дела, а их ответом защитит Он от них учеников Своих. *Кого ищете?* Против кого эти вооруженные люди? К чему столько людей и заготовлений? Ужели всё это против Того, Кто кроме добра никому ничего не делал? Уже ли против Того, Кто так кроток и беззащитен?

Ему отвечали: Иисуса Назорея. Более чем вероятно, что в числе пришедших были, кроме Иуды, люди, лично знавшие Иисуса. Но свободное и неожиданное появление Господа пред врагами, Его простой и кроткий, но тем более поразительный вопрос смутил всех. И они едва могли сказать давно заученный маловерием ответ о невиданном Посланнике неба: Иисуса Назарянина ищем (Ин. 1, 46; 7, 41 — 42).

Иисус говорит им: это Я. И это слово было как бы громовым ударом для врагов Его. *Они отступили назад*, как бывает на войне с врагом, приведенным в сильное замешательство, который от страха ищет спасения в бегстве. Мало того — *и пали на землю*, до того дошел ужас их. Личность ли невиданного Праведника, столько великого и в виду врагов, поразила нечистую совесть пришедших для злодеяния, или особое чудесное могущество Христа Господа действовало здесь, евангелист не говорит нам. Но очевидно то, что величие Христа Иисуса открылось пред лицом врагов Его в блистательном свете; ясно для всех и каждого, что замыслы врагов пред Его волею — паутина.

Опять спросил их: кого ищете? Когда бедная толпа несколько пришла в себя, Господь опять спросил: *кого ищете?* И когда те повторили прежний ответ, Он сказал: *Я сказал вам, что это Я.*

Иисус перед толпой врагов, готовых взять Его

Это значило: повторяю, что грех было искать Меня, как ищут человека опасного; Я не тот, за кого хочет выдать Меня злоба страстей.

Итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут. После того как сделано всё, что могло устроить их, и они оставались в своем нечестии, Он обратился к заботе об учениках и сказал: если Меня ищете, оставьте их, указывая на учеников, — пусть идут.

Мы увидим, что первый вопрос, какой предложат Иисусу судьи Его, будет вопрос *об учениках Его и об учении Его* (Ин. 18, 19). Неизвестный юноша, за Иисусом Христом следовавший, когда уже вели его воины, едва спасая от схвативших его воинов тем, что сбросил с себя одежду (Мк. 14, 51 — 52). Всё это, несомненно, уверяет нас в том, что посланным с Иудею дано было указание от синедриона захватить не только Иисуса, но и учеников Его.

Господь, охраняя искренних Своих, говорит толпе не слово просьбы, а слово могущественного повеления: *оставьте их*, — и слуги невольно выполняют слово Его. Себя Он отдает в руки врагов, но заботится о безопасности учеников Своих. Теперь они еще не были способны переносить страдания за имя Его, которые так охотно перенесли они впоследствии. Если вопрос слабой женщины мог возбудить такой страх в Петре, что отказался он от Учителя своего, — до чего могла довести слабых учеников заклятая злоба врагов Иисуса? Они много могли положить грехов на свои души и отдалить себя от Господа Иисуса и Его Царства. Небесный Учитель не допустил их до того.

Да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого. Господь, защитив учеников Своих от врагов, не только спас жизнь им, но сохранил нетвердые души их от страшных искушений. Потому-то евангелист вспомнил слово Господа, которое сказал Он в молитве к Отцу после пасхальной вечери (Ин. 17, 12).

Хвала и слава Тебе, Дивный в величии и любви, Спаситель наш! Только там, где Ты и Твоя святая воля, только там и свет, и величие, и ум, и святость. Когда же грех, а не Твоя воля располагает нами, в делах наших оказывается замешательство мыслей, тупость ума, беспорядок чувств: то страх, то дерзость; то трусость, то гордость отважная — противоречие одного другому на каждом шагу. Таковы дела греха. Гордость мечтает о себе много, выставляет пред собою и другие дела свои и умными и великими, но она только не сознает беспорядков греха и тем еще более оказывается жалкой. Аминь.